

Преследование евреев в Эстонии в конце 1940-х и начале 1950-х годов.

Олев Лийвик

Напечатано в книге:

Estonia since 1944 : Reports of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes Against Humanity («Эстония с 1944: Отчеты эстонской международной комиссии по расследованию преступлений против человечности»), Inimsusevastaste Kuritegude Uurimise Eesti Sihtasutus, 2009, ll. 405-414

Перевод с английского Рут Брашинской.

Положение дел в СССР

Послевоенный период сталинского руководства в СССР характеризовался государственным антисемитизмом. Больше всего страдали представители еврейской интеллигенции, технократы и некоторые руководящие коммунисты. Преследование евреев не было чем-то новым для России, его корни по времени относятся к Российской империи, когда для евреев были установлены ограничения мест проживания (так называемая черта оседлости). Больше всего евреев было на Украине, там в 1939 г. жило около половины всех евреев СССР¹ и в Белоруссии. Большими еврейскими центрами были также Москва и Ленинград, куда в конце 1940-х и начале 1950-х гг. был направлен главный удар антиеврейской политики. Наряду с государственным антисемитизмом, обычным в СССР был и бытовой, корни которого тоже лежали в Российской империи. Особенно типичным антисемитизм был среди русских, украинцев и поляков. Послевоенная нищета только усилила его. Евреи играли важную роль в украинском обществе, и там боялись, что евреям вернут дома и должности, которые им раньше принадлежали.² На Западе и в России опубликованы многочисленные исследования по поводу репрессий в отношении евреев и их положения в последние годы сталинского правления.³

¹ Katrin Boeckh, *Stalinismus in der Ukraine. Die Rekonstruktion des sowjetischen Systems nach dem Zweiten Weltkrieg*, Wiesbaden, 2007, p. 399.

² Benjamin Pinkus; Jonathan Frankel, *The soviet Government and the Jews 1948–1967. a documented study*, Cambridge 1984, p. 85

³ Некоторые важнейшие работы 90-х годов: Arkadi Vaksberg, *Stalin against the Jews*, New York, 1994; Г. В. Костырченко, *В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие*, Moscow, 1994; Der Spätstalinismus und die "jüdische Frage": Zur antisemitischen Wendung des Kommunismus, Hrsg. von Leonid Luks und Donal O'Sullivan, Köln-Weimar-Wien, 1998; Л.Люкс, *Еврейский вопрос в политике Сталина*, – Вопросы истории, 1999, No 7, pp. 41-59. Г. В. Костырченко, *Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм*. Москва, 2001;

Огромное внимание привлекли деятельность Еврейского антифашистского комитета, его ликвидация и преследование его лидеров.⁴ Документы о деятельности Еврейского антифашистского комитета были опубликованы.

Личный антисемитизм Сталина, зародившийся в годы его юности, когда он конфликтовал со Львом Каменевым и Яковом Свердловым, позже ставшими руководителями СССР, усилился в борьбе за власть, когда евреи, руководимые Львом Троцким, были соперниками Сталина, и это являлось, возможно, причиной послевоенного государственного антисемитизма.⁵ Большую роль стала играть внешняя политика. Руководство Советского Союза дружелюбно относилось к евреям во время Второй мировой войны из чисто прагматических соображений. Это можно объяснить отношениями с союзниками в войне против Германии. Например, в 1941 г. с пропагандистскими целями был создан Еврейский антифашистский комитет, и он использовался, в основном, для получения поддержки американских евреев.⁶ После Второй мировой войны советская политика по отношению к евреям была двойственной. Активно поддерживали создание еврейского государства в Палестине, чтобы ослабить позицию Великобритании на Ближнем Востоке. После того, как в 1948 г. государство Израиль было создано, СССР поддерживал его в надежде, что левые получат там власть и будут противостоять прозападно настроенным арабам.⁷ Однако, первые признаки антисемитизма в советской внутренней политике были заметны уже в конце Второй мировой войны. Елена Зубкова в качестве первого примера называет дело советского информационного бюро.⁸ Его руководитель Соломон Лозовский стал объектом сильной критики в 1946 г. якобы за недостатки в политике подбора кадров. Среди прочих в качестве недостатка было упомянуто «недопустимое количество евреев», после чего последовали увольнения сотрудников-евреев.⁹

Поворотным моментом антисемитской кампании был 1948 г., когда начались аресты евреев, распустили Еврейский антифашистский комитет и началась идеологическая борьба против космополитизма, западного влияния, формализма, аполитичности и других идеологий антисоветского мышления. Она была явно антисемитской, но использовалось также и против национальных культур и национальной интеллигенции в Эстонии, Латвии, Литве, Белоруссии и Украине.¹⁰ Важным импульсом было создание государства Израиль, т.к. оно усиливало иудаизм во всем мире, включая СССР.¹¹ Руководство СССР

⁴ Shimon Redlich, *Propaganda and Nationalism in Wartime Russia: The Jewish Antifascist Committee in the USSR, 1941-1948*, Boulder 1982; Arno Lustiger, *Rotbuch: Stalin und die Juden. Die tragische Geschichte des Jüdischen Antifaschistischen Komitees und der sowjetischen Juden*. Berlin, 1998; Еврейский антифашистский комитет. 1941-1948. Документированная история (Juudi Antifašistlik Komitee. 1941–1948. Dokumenteeritud ajalugu). Под. ред. Ш. Редлиха и Г.В. Костырченко, Москва, 1996.

⁵ A. Vaksberg, *Stalin against the Jews*, pp. 17-19.

⁶ K. Boeckh, *Stalinismus in der Ukraine. Die Rekonstruktion des sowjetischen Systems nach dem Zweiten Weltkrieg*, pp. 400ff

⁷ *Ibid*, p. 398.

⁸ Jelena Subkova, *Kaderpolitik und Säuberungen in der KPdSU (1945-1953)*. – H. Weber, U. Mählert (Hrsg.). *Terror. Stalinistische Parteisäuberungen 1936-1953*. Paderborn, München, Wien, Zürich 1998, pp. 225-230.

⁹ *Ibid*, p. 226

^{10 10} Eestis “kodanlike natsionalistide” vastane kampaania- vt raport: O.Liivik, *Kommunistide ideoloogiline vaenlane “Kodanlik natsionalism” ja repressioonid Eestis*.

¹¹ Vt Jelena Zubkova: J. Subkova, *Kaderpolitik und Säuberungen in der KPdSU (1945-1953)*, pp. 227ff.

систематически боролась с возможным ростом самосознания евреев. Катрин Бэк подчеркивала, что советское правительство не информировало свое население о еврейском Холокосте и использовало любую возможность, чтобы избежать публичного упоминания о нем в СССР. Бэк заявляет, что целью «политики сокрытия» было, с одной стороны – помешать тому, чтобы евреи стали предметом общественного внимания и, с другой стороны – предупредить появление симпатий к евреям среди нееврейского населения в связи с Холокостом.¹² Вместо этого власти старались стимулировать антисемитизм. Пресса освещала политические процессы и разоблачала «заговоры», пытаясь показать, что «сионистский заговор» существует. «Еврейский национализм» и «сионизм» стали ключевыми словами в антисемитских кампаниях, они повторялись во всех больших и небольших «уголовных делах», проходящих во второй половине 1940-х и начале 1950-х гг. Елена Зубкова насчитала 70 небольших «уголовных дел» наряду с двумя большими – Еврейского антифашистского комитета (1948-1952) и дело «убийц в белых халатах» или так называемой «группы врачей-вредителей» (1952-1953).¹³

С 1949 г. в министерствах, промышленных, академических и научных учреждениях, в редакциях газет и журналов начались кадровые чистки. Все евреи были уволены с руководящих должностей, хотя формальным поводом для увольнения национальность никогда не называлась. Вместо этого предлогом были наличие родственников за границей, проживание на оккупированной территории во время войны или невыполнение своих обязанностей на работе.¹⁴ Все же существуют документы, ясно подтверждающие, что принцип чисток основывался на национальности. Секретное письмо, озаглавленное «Относительно неблагоприятной ситуации в МГБ СССР» от 11 июля 1951 г. исходило из ЦК ВКП(б). Следствием этого письма стал арест как «сионистских заговорщиков» офицеров и официальных лиц-евреев из аппарата МГБ.¹⁵ Решением секретариата ЦК ВКП(б) от 3 февраля 1948 г. была распущена ассоциация еврейских писателей и закрыт еврейский альманах.¹⁶

Антисемитизм существовал после Второй мировой войны также и в некоторых странах – сателлитах СССР со значительными еврейскими общинами. По указаниям из СССР в конце 1940-х и начале 1950-х гг. в нескольких восточно-европейских странах были арестованы евреи, входящие в их руководство. Их судили показательными судами под пристальным вниманием прессы.¹⁷

Эстонский и балтийский контекст

¹² K.Boeckh, *Stalinismus in der Ukraine. Die Rekonstruktion des sowjetischen Systems nach dem Zweiten Weltkrieg*, p. 405.

¹³ J. Subkowa, *Kaderpolitik und Säuberungen in der KPdSU (1945-1953)*, p. 228.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid, pp. 228ff

¹⁶ Р. Г. Пихоя, *Советский Союз: История власти 1945–1991 (Nõukogude Liit : võimu ajalugu 1945–1991)*, Москва, 1998, p. 75.

¹⁷ Kohtuprotsesse juutide üle peeti samal ajal ka Tšehhoslovakkias, Ungaris, Poolas ja Rumeenias. – Vt: Georg Hermann Hodos, *Schauprozesse. Stalinistische Säuberungen in Osteuropa 1948–1954*, Berlin 2001.

Положение евреев в Эстонии значительно отличалось от больших городов СССР, Украины и в Белоруссии. В Эстонии евреи составляли только 0,4-0,5% населения. В 1939 г. в Эстонии жило свыше 4400 евреев, их число слегка увеличилось после войны, достигнув в 1959 г. 5400 человек.¹⁸ Состав еврейского населения был неоднородным, т.к. наряду с теми, кто эвакуировался в СССР, чтобы избежать немецкой оккупации и вернулся на родину в Эстонию, сюда приехало много евреев из других районов СССР. Вернувшихся было 1500 человек.¹⁹ В отличие от их активной культурной жизни в годы независимости Эстонской республики, когда у евреев была культурная автономия²⁰, в послевоенные годы еврейские культурные общества в ЭССР не функционировали, и религиозная активность также была ограничена.

Антисемитизм в Эстонии в послевоенные годы изучен недостаточно. Олаф Куули коротко описал в статье²¹ настроения населения в связи с «делом врачей». Также отношение к евреям в связи с «делом врачей» рассматривается в одной дипломной работе Тартуского университета.²² Положение евреев в Латвии²³ и Литве²⁴ изучалось больше. После Второй мировой войны в Латвии было приблизительно 30.000 евреев²⁵, что было значительно больше, чем в Литве²⁶ и Эстонии. Мы вкратце рассмотрим антиеврейские репрессии в Латвии.

Ирене Шнейдре изучала политические судебные процессы и заявляет, что репрессии против евреев, так же, как и против латышей, происходили не на национальной, а на классовой основе.²⁷ Антисемитская кампания, начавшаяся в 1947 г., превратилась в борьбу против «еврейских буржуазных националистов». Шнейдре делит антиеврейские репрессии 1944-1952 гг. на три категории:

- 1) против евреев, выживших в Холокосте, которых обвиняли в сотрудничестве с карательными органами гитлеровской Германии;

¹⁸ Eesti A&O, Tallinn, 1993, p. 96

¹⁹ Emanuel Nodel, *Life and Death of Estonian Jewry*, (Held on at the 3rd Conference on Baltic Studies on May 11–14, 1972 at the University of Toronto) – <http://eja.pri.ee/history/Nodel.pdf> (14.10.2008)

²⁰ Juutide kultuuriautoomia kohta loe: Vähemusrahvuste kultuurielu Eesti Vabariigis 1918–1940 : dokumente ja materjale, koostanud Anni Matsulevitš, Tallinn, 1999

²¹ Olaf Kuuli, *1953. aasta EKP materjale sirvides*, – Tuna 2001, nr 2, pp 90-94.

²² Triin Soonsein, *Rahva meeleolud Eestis 1953. aastal*, Bakalaureusetöö, juhendaja Tõnu Tannberg, Tartu, 2003, Käsikiri TÜ Ajaloo ja Arheoloogia Instituudis

²³ Irēne Šneidre, *Political Trial against Jews In Latvia (1944–1952)*, – Holokausta izpetes problemas Latvija : starptautiskas konferences referati 2000. gada 16.–17. oktobris, Rīga un petījumi par Holokaustu Latvija = The issues of the Holocaust research in Latvia : reports of an Interantional Conference 16–17 october 2000, Riga 2001, pp. 328–349; Leo Dribius; Armands Gūtmanis; Marģers Vestermanis, *Latvia's Jewish Community: History, Tragedy, Revival*, Riga, 2001, pp. 64–65.

²⁴ Vytautas Tininis, *Komunistinio režimo nusikaltimai Lietuvoje 1944–1953 : Sovietų Sąjungos politinių struktūrų, vietinių jų padalinių bei kolaborantų vaidmuo vykdant nusikaltimus 1944-1953 M. II Tomas: Istorinė studija ir faksimilinių dokumentų rinkinys = The crimes of the communist regime in Lithuania in 1944–1953 : the role of the political bodies, their local subdivisions and collaborationists of the Soviet Union in committing crimes in 1944–1953: Volume 2. A historical study and a set of documents in facsimile*, Vilnius, 2003, pp. 63–67.

²⁵ 1959. a. rahvaloenduse andmetel 36 592.

²⁶ Leedus elas 1946. a. ca 10 000 juuti.

²⁷ Irēne Šneidre, *Political Trial against Jews In Latvia (1944-1952)*, p. 64.

- 2) против интеллектуалов, живших в Латвии до войны и участвовавших в еврейской общественной жизни, состоявших в политических партиях и культурных организациях;
- 3) против евреев – членов еврейских общин, восстановленных после Второй мировой войны.

Евреев арестовывали в Латвии уже в середине 1940-х гг. В 1946 г. арестовали евреев, координировавших эмиграцию евреев в Палестину. К тому времени нескольким сотням евреев удалось уехать из Латвии. Аресты евреев-интеллектуалов в Латвии начались в 1949 г. Важным переломным моментом стало начало 1953 г., когда в Москве был «раскрыт» так называемый заговор врачей.²⁸ В Литве тоже начали арестовывать евреев в середине 1940-х гг. К 1948 г. за сионистскую деятельность было арестовано около 200 евреев.²⁹ В 1949–1953 гг., когда антисемитизм набирал силу, жертвами преследований стали, в основном, еврейские интеллектуалы, которые в годы независимой Литвы состояли в общественных организациях. Жертвами репрессий стали и те евреи, которые жили и учились за границей, кто имел родственников за границей, а также бывшие предприниматели. Не избежали преследований и евреи, работавшие на руководящих партийных и государственных постах. Такие евреи были и в Латвии, и в Литве.

Преследование евреев и проявления государственного антисемитизма можно найти в послевоенной кадровой политике Эстонии и ее южных соседей. Несмотря на то, что в правительстве ЭССР евреев не было, в коммунистической партии их процент был значительно больше чем в общем составе населения. Из 2400 зарегистрированных членов КПЭ в 1945 г. 69 были евреями. Число евреев росло вместе с ростом числа членов партии, и их пропорция устойчиво держалась в районе 3%. Например, из 17.639 членов КПЭ в 1950 г. 510 были евреями. Рост числа евреев – членов партии затормозился в начале 1950-х гг. В начале 1954 г. из 21.229 членов КПЭ 573 были евреями.³⁰

Жертвами репрессий и кадровых чисток стали в основном евреи, которые выросли и были активны в Эстонской республике, и кого власти связывали с сионистской деятельностью или персонально, или через родственников. Другим важным обвинением было предпринимательство в Эстонской республике. Обвинения в сионизме дополнялись владением акциями, предпринимательством или домовладением. Как и в Латвии, те евреи, которые выжили во время немецкой оккупации были арестованы в Эстонии и обвинены в сотрудничестве с немцами. Например, две еврейские женщины были арестованы 12 ноября 1944 г. Их отпустили уже в феврале 1945 г.³¹

²⁸ L.Dribius; A. Gūtmanis; M. Vestermanis, *Latvia's Jewish Community*, p. 64.

²⁹ V.Tininis, *Komunistinio režimo nusikaltimai Lietuvoje 1944-1953*, pp. 63–67.

³⁰ Коммунистическая Партия Эстонии в цифрах 1920–1980 : Сборник статистических данных (*Estonian Communist Party in Numbers 1920–1980 : Collection of Statistical Data*), Tallinn, 1983, pp. 108 ff.

³¹ Nõukogude okupatsioonivõimu poliitilised arreteerimised Eestis. Kõide 2. Koostanud Leo Õispuu, Tallinn, 1998, pp. 63.

Случай семьи Айзенштадт³²

Противоречия в семье Айзенштадт были типичными для многих семей живших в Эстонской республике. Хирш Айзенштадт³³ был известной фигурой и бизнесменом в Эстонской республике. В течение 15 лет он был председателем Еврейского культурного совета, директором эстонской совместной нефтяной компании, основанной на американском капитале, и консультантом местного отделения компании Шелл.³⁴ Пекка Эрелт, который писал об условиях жизни евреев в Таллинне, отмечал, что Айзенштадт был важным налогоплательщиком в Эстонской республике, т.к. он платил 3000-4000 крон ежегодно в качестве налога.³⁵ А его сын Лео Айзенштадт вырос коммунистом, был членом незаконной эстонской коммунистической партии и не признавал государства, в котором родился. Лео Айзенштадт вступил в КПЭ в 1936 г. и был также членом левой еврейской организации «Licht» (свет).³⁶ Лео Айзенштадт окончил Базельский университет по специальности экономика. Он писал в своей автобиографии для КПЭ, что отошел от сионистского движения и примкнул к марксизму в годы жизни в Швейцарии.³⁷ «Перерождение» Айзенштадта произошло, скорее всего, из-за антисемитизма в Германии, который он испытал во время своей учебы и поездок по Центральной Европе. На него определенно повлиял и круг его знакомств. Прямого подтверждения того, что он был завербован советской разведкой, нет.³⁸

И хотя отец и сын Айзенштадты отличались друг от друга во взглядах на мир, похоже, что растущая угроза для евреев, исходящая из Германии, сблизила коммунистов и людей, борющихся за еврейское государство и культуру. Этому способствовала сталинская национальная политика, мобилизовавшая в районах, оккупированных в 1939-1940 гг в первую очередь представителей национальных меньшинств, которые симпатизировали Советскому Союзу. Многие местные евреи поддерживали советский режим в Эстонии, как и на других оккупированных и аннексированных территориях в 1939-1940 гг.³⁹ Об этом заявляли те люди, которые пошли служить новому режиму в экономической и идеологической сфере и в административном аппарате, что вызвало негативное отношение к евреям со стороны эстонцев, согласно Антону Вейс-Вендту.⁴⁰ Среди евреев были даже и такие, кто демонстративно выражал свои симпатии к русским. Говорили, что некоторые евреи кидались целовать танкистов Красной Армии в Латвии летом 1940 г.⁴¹ Не была исключением и Эстония. Еврейское культурное самоуправление, созданное в Эстонской

³² Olev Liivik, Eestimaa Kommunistliku (bolševike) Partei Keskkomitee VIII pleenum 1950. aastal ja „Eesti süüasi“ 1949–1952.

³³ Используется и немецкий вариант Eisenstadt“

³⁴ Girš Eisenstadt'i uurimistoimik, – ERAF 130SM- 1 -1406

³⁵ Pekka Erelt, Juutide Tallinn, – Eesti Ekspress, 25. jaanuar 2005.

³⁶ Estonia 1940–1945 : Reports of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes Against Humanity, Inimsusevastaste Kuritegude Uurimise Eesti Sihtasutus, Tallinn, 2006, p. 1130.

³⁷ Leo Aisenstadt'i personaalküsimuse toimik, ERAF 1-7-126, pp. 8ff.

³⁸ Хотя на эти мысли могут привести имена людей подписавших ему рекомендацию в партию. См. ниже.

³⁹ См. Dov Levin, Baltic Jews under the Soviets 1940-1946, Jerusalem, 1994; Dov Levin, The lesser of Two Evils, Jerusalem, 1995.

⁴⁰ См. Anton Weiss-Wendt, The Soviet Occupation of Estonia in 1940–41 and the Jews . – Holocaust Genocide Studies, 1998, 12, pp. 308-325.

⁴¹

республике и распущенное в июле 1940 г. после советской аннексии, вступило в сотрудничество с оккупационными властями. Ежедневная газета «Rahva hääl» (голос народа) писала 29 июля 1940 г. о последнем собрании Еврейского культурного совета, на котором самоуправление было распущено, и собрание закрыли пением Интернационала. Культурную автономию, якобы, «ненавидели», и ложно утверждалось, что она подавляла еврейскую национальную культуру через сионистское движение.⁴²

Советские настроения особенно распространялись среди молодого поколения евреев с левыми взглядами. Среди них был Лео Айзенштадт, который вместе со своими товарищами сорвал национальный флаг с башни Длинный Герман 21 июня 1940 г.⁴³ Однако, Лео Айзенштадт не стал коммунистом первого разряда. До начала войны между Германией и СССР он работал редактором газеты «Трудовой путь» и заместителем народного комиссара по финансам ЭССР. Тем не менее, его должность смогла спасти инженера Хирша Айзенштадта от репрессий.⁴⁴ Согласно его деятельности в Эстонской республике, он должен был бы быть репрессирован среди первых приблизительно 400 эстонских евреев, кого выслали в Сибирь вместе с другими эстонцами в июне 1941 г., что составило почти 10% еврейского населения Эстонии.⁴⁵

Обоим Айзенштадтам удалось эвакуироваться из Эстонии в начале войны. Молодой Айзенштадт продолжал свою партийную карьеру, а старый – работал инженером в советском тылу. После возвращения в Эстонию Лео Айзенштадт продолжал идеологическую работу как сотрудник газеты «Rahva hääl». В 1947 г. его назначили редактором журнала «Эстонский большевик». Хирш Айзенштадт работал в «Главнефтесбыте» и в 1946 г. вышел на пенсию.

Репрессии против Айзенштадтов начались в 1949 г., и их можно связать с преследованиями евреев в СССР. Как характерно для сталинского СССР, формальным поводом для возбуждения дела послужила жалоба, написанная Оскаром Сепре на Лео Айзенштадта.⁴⁶ В жалобе обращалось внимание на деятельность отца Лео Айзенштадта в годы Эстонской республики и утверждалось, что Лео Айзенштадт при заполнении анкеты на вопрос о статусе отца ответил «служащий» вместо «капиталист», кем он на самом деле был. Вдобавок, Сепре удостоверял, что Лео Айзенштадт давал возможность отцу писать статьи, которые потом подписывал своим именем и получал оплату за эти статьи. Более того, было указано на неподходящую биографию жены Лео Айзенштадта, эстонской

⁴² “*Juudi kultuurimavalitsus likvideerub. Juudi kultuurinõukogu viimane istung lõppes internatsionaaliga*”, *Rahva Hääl* 29. juuli 1940.

⁴³ Peeter Kaasik, Meelis Maripuu, Toomas Hiio, *21 June 1940 in Tallinn and Elsewhere in Estonia in Estonia 1940–1945: Reports of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes Against Humanity*, Inimsusevastaste Kuritegude Uurimise Eesti Sihtasutus, Tallinn, 2006, p. 53.

⁴⁴ Girs Eisenstadti uurimistoimik, *Eesti Riigiarhiivi Filiaal* (Department of Estonian State Archives, hereinafter ERAF) 130SM-1-1406.

⁴⁵ Meelis Maripuu, *Execution of Estonian Jews in Local Detention Institutions in 1941–1942 in Estonia 1940–1945*, p. 651.

⁴⁶ Kahjuks ei ole seni leitud 1948. aastani ESSR Ministrite Nõukogu esimehe asetäitjana tegutsenud Sepre kirja ennast. Leo Aisenstadt toimikus on Sepre märkusi Aisenstadt kohta refereeritud viimase vallandamisel “Eesti Bolševiku” toimetaja kohalt, vt.: ERAF 1-7-126, p. 3.

писательницы Лейды Кибувиц.⁴⁷ Дело Лео Айзенштадта было на повестке дня заседания бюро ЦК КПЭ 29 июня 1949 г. На обсуждение пригласили и Лео Айзенштадта. Против него на бюро были выдвинуты следующие 4 основных обвинения:

- 1) отец – крупный предприниматель,
- 2) отец - известный сионистский деятель,
- 3) Лео разрешал отцу писать статьи в «Эстонский большевик»,
- 4) скрыл свое социальное происхождение.

Последний пункт, похоже, был для членов бюро самой тяжелым проступком, потому что люди с «капиталистическим» прошлым были «классовыми врагами», и поэтому им не было места в партии. В то же время важно подчеркнуть, что выступающие на заседании бюро не выражали антисемитизма. Факт, что Айзенштадт был евреем, вообще не упоминался. Первый секретарь райкома Валгаского района того времени Алексей Овсянников даже подчеркнул участие Айзенштадта в подпольном коммунистическом движении в рядах сионистов.⁴⁸ Секретарь ЦК КПЭ по пропаганде и агитации Иван Кэбин отметил, что члены ЦК знали о прошлом Айзенштадта, но обращали больше внимания на его подпольную работу. В результате обсуждения было решено освободить Айзенштадта от должности редактора на том основании, что он скрыл свое социальное происхождение и прежнюю деятельность своего отца, утратил политическое доверие из-за своей частной жизни. Партийной комиссии при ЦК КПЭ было поручено проверить его подпольную деятельность в Эстонской республике.⁴⁹ Это было только отсрочкой, через месяц 30 июля 1949 г. Айзенштадта исключили из партии за обман партии, за связи с «зарубежными элементами» и за использование отца, «фигуру в сионистском движении» в качестве сотрудника журнала, которым он руководил.⁵⁰

6 декабря 1949 г. следователь по особо важным делам Государственной прокуратуры ЭССР Сырмус возбудил уголовное дело против Айзенштадта по ст.109 уголовного кодекса РСФСР.⁵¹ Несмотря на то, что уголовное дело было заведено по статье «злоупотребление служебным положением», судебное дело содержит некоторые материалы, касающиеся Хирша Айзенштадта – следственные органы интересовались, сколько статей для журнала было написано им и опубликовано под именем Лео Айзенштадт. Старший Айзенштадт признался, что сам написал только одну статью, «Борьба началась позже», а остальные статьи он писал вместе со своим сыном.⁵²

Совет по уголовным делам Верховного суда ЭССР вынес приговор 4 февраля 1950 г.⁵³ Лео Айзенштадт был взят под стражу в помещении суда, т.к. был признан виновным в «злоупотреблении служебным положением» согласно ст.109 Уголовного кодекса РСФСР и был приговорен к 8 годам исправительных работ в лагере и лишению прав на 3 года. Сотрудничество Хирша Айзенштадта в журнале в приговоре упомянуто не было. В

⁴⁷ Leida Kibuvitsa endine mees oli "Omakaitse" ohvitser. Leida Kibuvitsa süüdistati selles, et ta avaldas Saksa okupatsiooni ajal nõukogudevaenulikke kirjutusi ja luuletusi; ERAF 1-7-126, p. 3.

⁴⁸ ECP CC büroo istungi stenogramm, 29. juuni 1949, ERAF 1-4-873, pp. 251–273.

⁴⁹ ECP CC büroo istungi otsus, 29. juuni 1949, ERAF 1-7-126, p. 2.

⁵⁰ Ibid, pp. 179ff.

⁵¹ Leo Aisenstadt kohtutoimik ESSR Ülemkohtu Kriminaalajade Kolleegiumi asjaajamises, ERA R 280-8-501, p. 1

⁵² Ibid., pp. 94–94v.

⁵³ Ibid., pp. 176–176v.

решении суда в качестве мотивации вины была названа оплата гонораров постоянным и временным сотрудникам редакции за вымышленные переводы в период его работы редактором журнала. Гонорары эти сотрудникам не выдавались, а собирались нелегально и использовались на покрытие текущих расходов руководства.⁵⁴ Второй виной была оплата Иосифу Марковичу за редактирование статей, что было частью его повседневных обязанностей. Айзенштадт признал вину только в вопросе нарушения финансовой дисциплины в связи с «нелегальными» деньгами. Когда 40 лет спустя в 1990 г. судебное решение пересматривалось, оказалось, что суд не заслушал показаний тех людей, кто получал гонорары, и недостаточно проанализировал улики.⁵⁵

По сравнению с приговорами, вынесенными членам правительства ЭССР за «буржуазный национализм» в начале 1950-х гг., приговор Айзенштадту был довольно мягким. Но мягким лишь настолько, насколько это было возможным. Так как он был приговорен к заключению меньше чем на 10 лет, он был досрочно освобожден в марте 1953 г. по амнистии, но не реабилитирован, как многие, осужденные по ст.58 Уголовного кодекса РСФСР. Он также не был восстановлен в коммунистической партии. В 1955 г. ЦК КПЭ объяснил причину отказа восстановления в членстве партии тем фактом, что лицами, давшими ему рекомендации для вступления в партию, были Карл Сяре и Иоханнес Мееритс-Лооринг.⁵⁶ Судебный приговор Айзенштадта не был отменен до решения президиума Эстонского Верховного суда в 1990 г., когда он был политически реабилитирован.⁵⁷

После ареста Лео Айзенштадта 4 февраля 1950 г. в течение следующих 10 дней были арестованы двое из членов его семьи. Хирша Айзенштадта арестовали 9 февраля 1950 г. и обвинили по ст.58-4 Уголовного кодекса РСФСР. Он был обвинен в руководстве большими зарубежными компаниями в годы независимой Эстонской республики, за то, что был домовладельцем, организовал и руководил в течение 15 лет до 1940 г. Еврейским культурным советом. В дополнение к вышеназванным обвинениям утверждалось, что он руководил также сионистским националистическим движением и призывал евреев эмигрировать в Палестину.⁵⁸ Его преследование началось летом 1949 г. прекращением выплаты пенсии по старости. Решение министра социального обеспечения от 7 июля 1949 г. гласило, что выплата пенсии по старости прекращена потому, что у Айзенштадта нет необходимого трудового стажа.⁵⁹

Хирш Айзенштадт был осужден 17 февраля 1951 г. специальным совещанием МГБ СССР по ст.58-4 и 58-10-1 Уголовного кодекса РСФСР за националистическую деятельность, враждебную СССР. Его приговорили к 10 годам заключения в исправительном трудовом

⁵⁴ Aisenstadt ki kohtutoimikust ilmneb, et "musta kassat" kasutati nii värviliste pliiatsite, paberi, kuid ka sõiduauto ostmiseks, milleks eelarvest raha ei leitud, *ibid.*, pp. 70, 101.

⁵⁵ ECP CC büroo istungi otsus, 29. juuni 1949, pp. 171–175.

⁵⁶ *Ibid.*, pp. 108–110.

⁵⁷ *Ibid.*, pp. 178, 181.

⁵⁸ ERAF 130SM-1-1406, p.7.

⁵⁹ В трудовой книжке был записан стаж 24 года и 5 месяцев, но в 1949 г. сняли годы работы директором во время Эстонской республики.

лагере.⁶⁰ Айзенштадт признал себя виновным только в хранении антисоветской литературы. 12 апреля 1953 г. он подал прошение министру внутренних дел СССР об изменении решения суда и освобождении из заключения. Айзенштадт объяснил в этом прошении, что его «еврейская общественная деятельность» закончилась в 1940 г., когда он не жил в СССР. Вдобавок, Айзенштадт заявил, что он не испытывал враждебности к Советскому Союзу. Его освободили зимой 1955 г. и реабилитировали.

Жена Лео Айзенштадта, Лейда Кибувиц, эстонка, была арестована 13 февраля 1950 г. Ее обвинили в том, что она работала счетоводом в штабе «военной фашистской организации» в 1942-1943 гг. и была враждебно настроена в отношении советской власти. Совет по уголовным делам Верховного суда ЭССР приговорил Кибувиц к 25 годам в тюремном лагере МВД по ст.58-3 и 58-10-2 Уголовного кодекса РСФСР. Ее освободили в 1954 г.⁶¹

Антисемитизм начала 1950-х и реакция на «заговор врачей» в Эстонии

Уже в середине 1940-х гг. в КПЭ и государственном аппарате тщательно следили за должностными лицами-евреями. Похоже, что это было главной задачей представителей органов контроля из Москвы. Представители отдела кадров ЦК КПСС 22 июня 1947 г. послали секретный отчет относительно результатов проверки работы с кадрами Министерства внутренних дел ЭССР. Среди прочего в отчете было указано, что Бельчиков⁶², работавший заместителем министра внутренних дел ЭССР Александра Резева, был до 1940 г. активным членом еврейской сионистской организации. В отчете было написано, что сестра Бельчикова была замужем за начальником транспортного отдела МВД ЭССР Орешкиным.⁶³ Утверждалось, что сестра Бельчикова получала посылки от американских еврейских организаций через Таллинскую еврейскую общину.⁶⁴ И хотя это вначале прямо не касалось Бельчикова и Орешкина, оба они были уволены из системы МВД в 1949 г. из-за потери доверия к ним. Раскрылось также, что в 1939 г. Бельчиков владел магазином в Тарту.⁶⁵

Были и евреи, работавшие на более низких позициях, и при их увольнении упоминалась не их национальность, а сионистская деятельность, сокрытие социального происхождения и семейные связи за рубежом. 24 декабря 1949 г. бюро ЦК КПЭ рассматривало вопрос об исключении из партии Якова Арановича за то, что он скрыл свое социальное

⁶⁰ Girš Eisenstadti uurimistoimik, pp. 151–153.

⁶¹ Leida Kibuvitsa uurimistoimik, ERAF SM129-1-4045, pp. 1, 3, 87, 88, 104.

⁶² Очевидно Рафаил Бельчиков. Удтверждение соответствовало истине т.к Бельчиков входил в сионистскую студенческую корпорацию «Хасмонеа» Тартуского университета. См. Album Academicum Universitatis Tartuenssis 1918–1944, Tartu, 1994, matriklinumber 15078.

⁶³ Aleksandr Oreškin.

⁶⁴ CPSU CC kaadrite valitsuse osakonnajuhataja asetäitja Lukjanovi ja inspektori Obtatsovi ettekanne CPSU CC kaadrite valitsuse ülema asetäitjale Nikitinile, 22. juuli 1947, ERAF 1-5(vana)-12, pp. 43–61.

⁶⁵ Aleksandr Oreškini isiklik toimik, ERAF SM1-2 -11515, pp. 1–44.

происхождение. Аранович работал в системе рыбной и пищевой промышленности. Когда он вступил в партию в 1945 г., он скрыл тот факт, что его отец был владельцем торгового киоска, а сестра эмигрировала в Финляндию в 1939 г. И хотя Таллиннский комитет КПЭ исключил Арановича из партии, бюро ЦК КПЭ не поддержало это решение, и ему дали выговор.⁶⁶

В рамках кампании против «буржуазного национализма» евреев признавали не достойными доверия. Чекист Идель Якобсон, участвовавший в преступлениях против человечности с 1940 г. и бывший руководителем следственного отдела МГБ ЭССР, был в 1950 г. уволен из системы МГБ ЭССР.⁶⁷ Якобсон в 1950-1953 гг. работал сначала заместителем начальника отдела управления искусств ЭССР, а затем начальником отдела в министерстве социального обеспечения ЭССР. Якобсона исключили из партии 17 февраля 1953 г. на пике государственной антисемитской кампании, связанной с «заговором врачей» за «ослабление политической бдительности» и связи с «социально чуждыми» людьми. Якобсон брал под свою защиту людей, депортированных из Эстонии в 1941 г. Он и его жена обращались в министерство внутренних дел ЭССР в 1950 г. с просьбой не арестовывать или высылать из Таллинна жену и дочь бывшего бизнесмена Исаака Фурманского. Жена и дочь Фурманского нелегально вернулись в Эстонию из Сибири в 1947 г. Более того, еще работая в МГБ, Якобсон обратился с просьбой к Борису Кумму предотвратить высылку из Эстонии Елены Фальштейн-Левиной, ее матери и сестры из-за отца, арестованного в 1941 г. В свою бытность офицером МГБ, Якобсон не сообщил о сборищах на квартире некоей Перельман. Якобсон не только знал о них, но и персонально навещал Перельман, нелегально содержавшую еврейскую столовую.⁶⁸ Все обвинения Якобсона были связаны с евреями, но он был ценным чекистом, поэтому избежал ареста, а в партии был восстановлен в 1956 г.

После 8 пленума ЦК КПЭ компрометирующие материалы были собраны во многих эстонских учреждениях. Под подозрение МГБ попали некоторые евреи в Министерстве юстиции. В заявлении министра государственной безопасности ЭССР Москаленко от 21 апреля 1950 г. перечислены четверо подозрительных сотрудников еврейской национальности: Хейнар Грабе, Исаак Булкин, Бер Гасман и Бернгард Маркович.⁶⁹ Они обвинялись в сионистской деятельности и в связях с границей. Особенно МГБ интересовалось Хейнаром (до 1937 г. Хаим Мейер) Грабе, который был заместителем председателя Верховного суда. Компрометирующими обстоятельствами в его случае были членство в сионистской организации и тот факт, что его отец был бывшим раввином и владельцем мясной лавки.⁷⁰ Грабе был уволен с занимаемого поста, но репрессиям он не подвергся. Исаак Булкин был юристом, его исключили из кандидатов в члены КПСС за членство в сионистской организации. Он был также обвинен в защите троцкизма и аморальное поведение. Булкина уже однажды исключали из партии в 1941 г., т.к. он был

⁶⁶ Jakov Aranovitši personaalküsimuse toimik, ERAF 1-7-393.

⁶⁷ ECP CC büroo otsus langetati 7. veebruaril 1950.

⁶⁸ Valdur Ohmann, Eesti NSV siseministeeriumi institutsionaalne areng ja arhivaalid (1940–1954). Magistritöö. juhendaja Tõnu Tannberg, Käsikiri Eesti Riigiarhiivi filiaalis, Tartu, 2000, p. 150ff.

⁶⁹ ESSR riikliku julgeoleku ministri Moskalenko allkirjastatud öiend ECP CC sekretäriale Käbinile kompromiteerivatest materjalidest justiitsministeeriumi töötajate kohta, 21. aprill 1950, ERAF SM131-1-201, pp. 468–480.

⁷⁰ Ibid.

сыном предпринимателя и состоял в сионистской партии, «которая работала против еврейского рабочего движения».⁷¹ Как и в 1941 г., Булкин избежал репрессий в 1950 г.

Одним из функционеров еврейской национальности, занимавших высокие официальные посты и подлежащих увольнению во время кампании «буржуазного национализма», был Даниил Руднев (настоящая фамилия Гуревич). Он работал редактором газеты «Советская Эстония» до 25 января 1950 г. Инструктор по пропаганде и агитации ЦК КПСС Жихарев в своей записке секретарю ЦК КПСС Сулову, который плохо относился к евреям, пространно описывал деятельность Руднева в газете.⁷² В записке указывалось, что Руднев нанимал на работу в газете «лиц, враждебных советскому народу». Самым опасным в списке (все, без исключения, евреи) был брат Лео Айзенштадта, А.Айзенштадт, работавший фотографом. Он не был, как его брат, членом партии, но служил в войсках защиты Эстонской республики и был женат на Ренате Гуткиной, которая, как и он, была дочерью крупного капиталиста и работала в редакции той же газеты. В записке также были упомянуты «сын крупного капиталиста» Зайдельсон, сын кожевника Сунделевича, владелец рекламного бюро Барташевич, космополит Левин и другие евреи, которых Руднев взял на работу после войны.⁷³ Серьезной ошибкой Руднева считалось то, что он не разоблачил «сыновей капиталистов», а даже дал некоторым из них рекомендации для вступления в партию.⁷⁴

Интересно, что в записке упоминалось о разоблачении Лео Айзенштадта и его исключении из партии, что ясно подтверждает систематические преследования евреев, занимавших руководящие посты. Автор записки утверждал, что после инцидента с Айзенштадтом Руднев решил «очистить» редакцию от политически враждебных элементов и уволил жену А.Айзенштадта Гуткину и Сунделевича «по их собственному желанию». Несмотря на это, в редакции было большое число политически не надежных людей. Впоследствии осуждению подверглись содержание работы Руднева в качестве руководителя редакции газеты, отсутствие у него авторитета и халатность. Руднев потерял свой партийный билет в 1947 г., но ему выписали новый.⁷⁵

Преследование Руднева, как и Якобсона, проходило в несколько этапов. Такая схема часто применялась и к эстонским коммунистам.⁷⁶ Он был исключен из КПСС решением Таллиннского обкома КПЭ от 19 января 1953 г. на пике кампании по преследованию евреев. На этот раз он, среди прочего, был обвинен в получении удостоверения на имя «Руднев» в качестве корреспондента в 1942 г., что было на самом деле его псевдонимом. Позже он незаконно поменял свою фамилию с «Гуревич» на «Руднев» и подал прошение

⁷¹ ECP CC büroo istungi protokoll nr. 8, 15. mai 1941, ERAF 1-4-74 p. 66; Isaak Bulkin ei saanud kuuluda sionistlikku parteisse, sest Eestis niisugust ei olnud. Küll aga võis ta kuuluda mõnda sionistlikku organisatsiooni.

⁷² N. Žiharevi märgukiri CPSU CC sekretärile Suslovile, 26. jaanuar 1950, RGASPI 17-118-335, pp. 23–31.

⁷³ Ibid, p. 28.

⁷⁴ Üks nendest oli J. Zaidelson, kes heideti 27. aprillil 1950 ECP CC büroo otsusel parteist välja, kuid väljaheitmise protseduur alates parteialorganisatsioonist käivitati “faktide ilmnemisel”, EKP KK Büroo istungite regeetid, part 1, 1940–1954, compiled by T. Tannberg, Tartu, 2006, p. 364.

⁷⁵ N. Žiharevi märgukiri CPSU CC sekretärile Suslovile, 26. jaanuar 1950, pp. 28, 29.

⁷⁶ Ristviide Aleksander Velmani küsimusele.- Olev Liivik, Eestimaa Kommunistliku (bolševike) Partei Keskkomitee VIII pleenum 1950. aastal ja „Eesti süüasi“ 1949-1952.

на изменение фамилии во всех его документах.⁷⁷ Руднева простили после смерти Сталина. Решением ЦК КПЭ было отменено решение Таллиннского обкома КПЭ от 16 июня 1953 г., и Руднев был восстановлен в партии со стажем с 1939 г., т.к. признал свои ошибки.

Государственная антисемитская кампания началась 13 января 1953 г. заявлением ТАСС об аресте «группы врачей-вредителей», и людей призывали быть политически бдительными. Кампания сразу приняла антисемитский характер, потому что арестованные кремлевские врачи были также обвинены прессой в выполнении заданий американской и английской разведок, переданных через буржуазно-националистическую организацию, известную как Джойнт.⁷⁸ Утверждалось, что руководители СССР во главе с Андреем Ждановым умерли в результате неправильно назначенного лечения. В «Rahva hääl» 20 января была опубликована редакционная статья газеты «Правда» «Положить конец глупости в наших рядах». В числе прочего, читателей пытались убедить в том, что все участники так называемой террористической группы врачей-вредителей служили зарубежной разведке. Повторено было название «международной еврейской буржуазно-националистической организации Джойнт».⁷⁹

Когда началась государственная кампания, потребовалась местная информация относительно настроений и мнений народа. Центральные органы требовали информационных отчетов, в первую очередь, чтобы держать кампанию под контролем и избежать нежелательных инцидентов. Начиная с 13 января 1953 г. в течение 17 дней ЦК КПЭ отослал в Москву 14 информационных отчетов.⁸⁰ Эстонцы, русские, а также некоторые евреи высказывали свое мнение в этих отчетах относительно еврейских врачей. В них также содержалось выражение мнения о евреях, как о народе, что часто отражало антисемитскую оценку характера, и даже призывы к репрессиям против евреев. По мнению Олафа Куули, многие мнения были написаны самими партийными функционерами, т.к. они звучали избито и напоминали лозунги.⁸¹ Большинство людей, процитированных в информационных отчетах, требовали самого сурового наказания кремлевских врачей, как предателей родины, и обращались ко всем быть бдительными, как учит советская пресса.⁸² Было написано, что евреи никогда не хотели работать и всегда жили за счет других. Даже в буржуазной Эстонии они были или владельцами предприятий или, по меньшей мере, инженерами. И в советское время они занимали высокие посты. Кроме того, воздавалась хвала советскому правительству за то, что оно сделало много хорошего для евреев. Евреи же неблагодарны и стали агентами империалистов.⁸³ Самые злобные заявления призывали людей уничтожать евреев. Один капитан по фамилии Романов заявил, что если начнутся погромы, он готов вешать евреев на своем суде.⁸⁴

«Бдительные» граждане, которым случалось соприкасаться с евреями, чаще всего прилежно следили за тем, как евреи себя поведут. Преобладали плохие оценки. Рабочие

⁷⁷ ECP CC büroo istungi protokoll nr. 33, 16. juunist 1953, ERAF 1-4-1536, p. 32.

⁷⁸ Olaf Kuuli, 1953. aasta EKP materjale sirvides, p. 90, 91.

⁷⁹ Revolutsiooniline valvsus on nõukogude rahva võimas relv, Rahva Hääl, 25. veebruar 1953.

⁸⁰ Olaf Kuuli, 1953. aasta EKP materjale sirvides, p. 91.

⁸¹ Ibid.

⁸² Triin Soonsein, Rahva meeleolud Eestis 1953. aastal, Tartu, 2003, p. 10.

⁸³ Ibid., pp. 12, 13

⁸⁴ Olaf Kuuli, 1953. aasta EKP materjale sirvides, p. 91.

Тартуской фабрики кожаной обуви, как утверждают, спросили рабочего корреспондента Моглинку, еврея, нет ли чего-нибудь нового в газете после разоблачения «врачей-вредителей». Корреспондент, якобы, ответил: «Нет, в газете нет ничего интересного».⁸⁵ В тот же день рабочие заметили, что евреи собрались в раскройном цехе предприятия в день, когда была опубликована редакционная статья, и они что-то обсуждали на своем языке.

Большинство евреев, процитированных в информационных отчетах, естественно, осуждали действия «врачей-вредителей». Заместитель руководителя неврологического отделения Тартуской клинической больницы Хейнс был исключением. Он, как утверждают, сказал: «Я не верю этому. Этого не может быть, это вранье»⁸⁶. В то же время, некоторые евреи жаловались на дискриминацию на рабочих местах, даже партийные органы это признавали. Начальник отдела снабжения предприятия местной промышленности Валгаского района Абрам Казанский обиженно сказал рабочим, что после публикации материалов о «врачах-вредителях» люди стали преследовать его из-за его национальности. Ему запретили работать и подвергли дискриминации. Райком КПЭ Валги удостоверил, что с Казанского вычли плату за недостачу угля на складе.⁸⁷

В то же время, имеется не много данных об арестах евреев во время кампании «врачей-вредителей». 12 февраля 1953 г. был арестован человек по имени Борис Резник, и 22 апреля 1953 г. он был приговорен к 10 годам заключения за антисоветскую агитацию. Резника освободили в 1955 г.⁸⁸ Торговый работник-еврей по имени Исаак Гронимов был арестован 21 февраля 1953 г. и обвинен в сионизме. Его освободили 5 июня 1953 г. без вынесения приговора.⁸⁹

Крупная антисемитская кампания продлилась всего несколько месяцев. Репрессии против евреев прекратились после смерти Сталина. Заявление МВД СССР, появившееся 4 апреля 1953 г., гласило, что еврейские «врачи-вредители» невиновны и выпущены из тюрьмы.⁹⁰

Резюме

Не существует полной информации о преследовании евреев в послевоенной Эстонии. Отдельные случаи репрессий формально проводились не на основе национальности, а, скорее, на классовой основе или обвинениях в сионистской деятельности. В Эстонии не было широко распространенного общего антисемитизма, который мог бы привести к дискриминации и преследованию евреев. В то же время, в конце 1940-х гг. практиковалось увольнение евреев из системы органов безопасности и юстиции за прежнюю сионистскую деятельность, социальное происхождение и связи с заграницей. Это стало особенно заметным, когда в 1950 г. своего пика достигла кампания против «буржуазного национализма», что породило «Эстонское уголовное дело». Прямо отразилось на Эстонии

⁸⁵ Triin Soonsein, *Rahva meeleolud Eestis 1953. aastal*, Tartu, 2003, p. 15.

⁸⁶ Olaf Kuuli, *1953. aasta EKP materjale sirvides*, p. 91.

⁸⁷ Triin Soonsein, *Rahva meeleolud Eestis 1953. aastal*, Tartu, 2003, p. 15.

⁸⁸ Nõukogude okupatsioonivõimu poliitilised arreteerimised Eestis. Kõide 2. Koostanud Leo Õispuu, Tallinn, 1998, p. 422.

⁸⁹ Ibid., p. 63.

⁹⁰ Olaf Kuuli, *1953. aasta EKP materjale sirvides*, p. 91.

и уголовное дело против «врачей-вредителей» еврейской национальности, сфабрикованное в Москве в начале 1953 г. Под руководством властей во время этой антисемитской кампании выражения общественного мнения были откровенно антисемитскими. В первые несколько месяцев 1953 г. процветала дискриминация евреев, занимавших официальные посты, и имели место отдельные случаи репрессий.